

Л. А. Козлова

«Батыгин приглашал увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным»

Лариса Алексеевна Козлова — кандидат философских наук, руководитель сектора социологии науки Института социологии ФНИСЦ РАН, заместитель главного редактора «Социологического журнала». **Адрес:** Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35 корп. 5. **Электронная почта:** LarissaKozlova@yandex.ru.

Аннотация: О вкладе Геннадия Семёновича Батыгина в историю российской социологии, в само социологическое сообщество (через подготовку аспирантов, совместную работу с коллегами, переводческую деятельность) рассказывает его супруга и коллега Лариса Алексеевна Козлова. Личное интервью проведено О. Б. Солодовниковой.

Ключевые слова: Геннадий Семёнович Батыгин, Институт социологии РАН, методология социологических исследований, история российской социологии.

Для цитирования: Козлова Л. А. «Батыгин приглашал увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным» / Интервью провела О. Б. Солодовникова // Пути России. 2024. Том 2. № 2. С. 51–65.

Лариса Алексеевна, Вы долгое время трудились вместе с Батыгиным, поддерживали его и как коллега, и как жена. Я прошу Вас рассказать о событиях той жизни, связанных с Геннадием Семеновичем, которые Вам наиболее памяты.

О Батыгине опубликовано много воспоминаний — учеников, коллег, которые нередко были и его друзьями. Пусть такие воспоминания и остаются главными в летописи его жизни, т.к. самое значительное место в ней занимала именно научная работа и всё с ней связанное. К тому же, признаться, мне публичные воспоминания о Геннадии Семеновиче до сих пор даются непросто. В первую очередь потому, что в этом контексте для меня общественное, то есть профессиональное, и личное нераздельны... Но вот сейчас все же что-то расскажу Вам, отвечу на Ваши вопросы... Но прежде хочу выразить свою большую признательность Дмитрию Рогозину, инициировавшему эту книгу памяти к 20-летию со дня смерти Геннадия Семеновича, Вам, всей его команде за ваш труд по её созданию! А также всем коллегам, кто поделился воспоминаниями!

Один из парадоксов: обладая бесспорным экспертным статусом в социологии, Батыгин оставил после себя не так много научных работ. Как Вам кажется, с чем это связано?

Думаю, что вряд ли это парадокс, скорее естественное следствие личностных ценностей и установок в сфере профессии. Геннадий Семёнович был абсолютно книжным человеком, я бы сказала, человеком логоцентрической культуры. Такое его свойство пришло из детства. Из-за болезни сердца многие школьные годы он провел дома, в постели, и при этом постоянно читал. Впоследствии к печатному слову, особенно научному, относился с особым пиететом. Даже максималистски, что, по-моему, вполне оправданно. Напечатанный научный текст для него был чем-то вечным — «рукописи не горят». Батыгин не относился к тем, кто, поймав творческое вдохновение или вспомнив о приближающейся отчетности, может набело изложить свои взгляды и тут же, не перечитывая текста, отправить его в журнал. Что греха таить, такое встречается нередко. Знаю об этом не понаслышке, работая в «Социологическом журнале»: мы такие статьи, разумеется, заворачиваем, но они регулярно приходят, это факт. Батыгин принадлежал к совсем другой научной культуре. Он долго вынашивал замысел, обдумывал логику и структуру текста, тщательно оттачивал словесное выражение мыслей, доводя рукопись до необходимой кондиции. Для него, литературного человека, имел значение даже фонетический строй текста: если текст «благозвучный», то его смыслы становятся более прозрачными для читателя. Научное текстонаписание Батыгин считал сродни искусству и стремился им

«Батыгин приглашал увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным»

овладеть... У Геннадия Семеновича была расхожая шутка, выражающая его отношение к горе-авторам: некто внес большой вклад в науку тем, что не опубликовал свой труд.

Другая причина «парадокса», о котором Вы спрашиваете, — в том, что Батыгин был постоянно занят — студентами, аспирантами, своим институтским подразделением, журналом. Времени для написания собственных трудов у него оставалось мало. Конечно, об этом можно только сожалеть. Тем не менее Батыгин написал большое количество статей и несколько книг по методологии, теории и истории социологии, под его редакцией вышли монографии и переводы.

Расскажите о его главных работах.

Главными, видимо, стоит считать книги — авторские или вышедшие под редакцией Батыгина, которая никогда не имела формального характера. Эти книги многими прочитаны. Поэтому я расскажу только о некоторых фактах из истории их создания, связанных с ними своих впечатлениях.

В монографии «Обоснование научного вывода в прикладной социологии» [Батыгин, 1986], пожалуй, выражены основы всей методологической программы Батыгина. В ней, несмотря на строгую рационалистичность изложения, серьезность предмета и обязательную дань «диалектико-материалистической методологии социального познания», с которой автору пришлось начать свои рассуждения, по сути, он выступает против порожденного Новым временем сциентистского отношения к социальной реальности, против разделения «истин разума» и «правды жизни». Об этом он недвусмысленно пишет в заключительной части книги «По ту сторону шкал», признаваясь, что кое-что главное в книге, подчиненной жестким правилам методологического рассуждения, осталось не досказанным, но что хотелось сказать автору. Речь идет о необходимости выхода нашей науки за жесткие приемы и схемы эмпирической социологии, так как даже от самого изолированного измерительного инструментария ускользает нечто важное, касающееся жизненных реалий. Это сближает социологию с литературой, в которой большими авторами без применения научных методов очерчиваются сложнейшие социологические проблемы. О литературоцентризме — естественном начале отечественной социологии — и его значении для постижения общественной жизни, о необходимости развития языка социологии, развитии междисциплинарных подходов Батыгин будет много думать и писать в своё последнее десятилетие. Но уже в этой монографии, приведу одну цитату, он метафорически приглашает увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным, предлагая «взглянуть на проблему социологического познания извне, выйти в области пограничные, туда, где пересекаются светотени и пролегает линия контраста

между наукой и ненаукой, линия, лишь издали кажущаяся жёсткой и непроницаемой. Преодолев тесный часток кол шкальных значений и процентов, мы получим возможность встать на точку зрения той самой жизни, которую социология берется изучать и даже обучать» [Батыгин, 1986: 265]. На подобной точке зрения в течение десятилетий пытаются стоять направления, развивающие качественные методы, междисциплинарные исследования общественной жизни. Главным в создании «эпистемологического автопортрета» социологии Батыгин считает не столько использование ее бесспорно необходимого инструментария (ведь «списывание людей с натуры» в социологии невозможно), сколько «авторское освоение мира»¹. Иными словами, без освоения мира никакой изошренный измерительный инструментарий не способен подвести социолога к сути общественных проблем, поставить на «точку зрения жизни»...

Трепетное отношение Батыгина к языку, интерес к лингвистике — откуда это взялось? С чем было связано?

«Откуда это взялось» уже сказано выше: видимо, из детства. Не думаю, что Геннадий Семенович интересовался лингвистикой самой по себе. Став социологом, он начал осознанно заниматься лингвистическими проблемами в связи с языком социологии. В Шанинке он преподавал «Практическую стилистику и литературное редактирование» — курс, посвященный тонкостям профессионального написания социологических текстов. Для молодых специалистов такой курс был очень полезен! (После смерти Батыгина Теодор Шанин попросил меня вести этот курс, что я и делала в течение нескольких лет. Но со сменой факультетского руководства курс сократили, а жаль! Не знаю, преподают ли в Шанинке нечто подобное сейчас.) Геннадий Семенович понимал, что написание научных работ требует своей дидактики — этому же нигде не учат. Поэтому обучение молодежи считал своей задачей, но и сам все время старался совершенствовать стиль своего письма.

Конечно, Батыгин использовал наработки филологов, социолингвистов и весь комплекс лингвистических дисциплин не только в преподавании. Интерес к языку никогда не отрывал его от основной профессии. Геннадий Семёнович видел, как много значит текст, слово для самой социологии, для создания и выражения социологических смыслов.

¹ На «литературность» методологии и научного стиля Геннадия Семеновича как социолога обращал внимание Борис Докторов, который сам в последние два-три года погрузился в подобную методологию, исследуя биографии социологов, деятелей культуры в плоскости автоэтнографии. Свои работы он публикует на сайте Проза.ру.

Вернемся к главным работам.

Свои методологические идеи, заявленные в книге 1986 года, Батыгин продолжил развивать в известной монографии «Лекции по методологии социологических исследований» 1995 года [Батыгин, 1995]. Но «Лекции» я упомяну не для того, чтобы остановиться на их содержании, а в связи со связанной с ними историей.

Батыгин планировал эту книгу переиздать. Но на все уговоры заинтересованных лиц сделать это, ничего не меняя в тексте, не соглашался. Я думаю, что мысленно он переработал книгу от корки до корки, но до письменного варианта дело не дошло, не успел. В итоге издательство «Аспект-Пресс» самостоятельно выпускало монографию дополнительно к первоначальному тиражу в 3000 экз., а в 2008 году ее с моим предисловием переиздал Российский университет дружбы народов. Мы пошли на это, потому что монография была востребованной и потому, что ее первый вариант опубликовал сам Геннадий Семенович.

Так вот, в связи с «Лекциями» уже после смерти Батыгина произошла одна история, по поводу которой мне хотелось бы объяснить. Одной из его книг, точнее, ее «прообразу», не суждено было выйти в свет, и это полностью моя ответственность. Речь идет о другом курсе лекций.

С самом начале 2000-х Батыгин впервые читал свой новый (и последний) авторский курс лекций по методологии социологических исследований в МВШСЭН. Кто-то из слушателей сохранил аудиозаписи, и у них появилось желание их опубликовать. Попытка подготовить распечатки к публикации мне как редактору и научному сотруднику показала, что они требуют скрупулезной авторской расшфровки — огромного количества поясняющих гиперссылок, перевода устной речи в письменную без потери и искажения первоначальных авторских смыслов, авторского языка и стиля. И т. д. и т. п. Убедена, что это мог сделать сам и только сам Геннадий Семенович. Важно добавить, что к тому же среди аудиозаписей не было первой лекции, в которой говорилось об авторских замыслах курса, которая была его квинтэссенцией.

У меня нет сомнения, что Геннадий Семенович, случись у него желание опубликовать лекции, значительно переработал и даже полностью переписал бы их для печати. Однако планов по публикации у него и не было. Батыгин собирался включить некоторые идеи этого курса в переработку монографии 1995 года. Именно об этом он говорил сам. Зная все это, я не имела морального права подвергать память Геннадия Семеновича каким-либо репутационным рискам. Доводы некоторых коллег, что «после смерти автора его труды принадлежат не ему, а всем», считаю неудовлетворительными. За отказ от публикации аудиозаписей некоторые слушатели МВШСЭН выразили мне своё

сожаление и даже осуждение. Пришлось это выдержать, поскольку моя позиция, не изменившаяся и сейчас, исходит из знания критериев, которые Батыгин предъявлял к своим работам. Хотя, разумеется, и я сожалею, что тексты лекций, прочитанных им в последние годы и ставших результатом многолетних размышлений, не оказались на уровне, позволяющем их опубликовать...

Не могу не вспомнить сборник «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документа» [Российская..., 1999]. Она стала результатом проекта, идея и методология которого принадлежали Батыгину. В чём ценность этого сборника? Этой весьма внушительной книгой, включившей воспоминания сейчас уже ушедших представителей 1960-х — и так называемых «шестидесятников», и научной номенклатуры — было открыто направление по изучению истории нашей социологии на основе биографического метода, а также внесен заметный вклад в исследование ее послеоттепельного периода. Биографикой давно занимались в других отечественных науках. Но в социологии крупной работы такого жанра тогда еще не было.

Несколько лет мы посвятили этому направлению в нашем секторе социологии науки, когда Геннадия Семеновича уже не было с нами (затем переключившись на изучение истории российской социологии другими методами). Вначале 2000-х создалась небольшая «группа по интересу», участники которой находились в постоянном виртуальном контакте, обсуждая волновавшие нас методологические вопросы историко-биографического исследования применительно к истории российской социологии. В нее входили питерец А. Н. Алексеев, москвички Н. Я. Мазлумянова и я, а также американцы российского происхождения — Б. З. Докторов и Д. Н. Шалин. Иногда подключался Д. М. Рогозин. Нами было написано немало статей. Позже Борис Докторов создал целую галерею из более чем 200 биографий социологов — представителей разных поколений, написал крупные работы по методологии историко-социологических исследований. Думаю, что идеи Батыгина и наши тогдашние обсуждения послужили столь заметному научному результату, каким является докторовский проект. Это крупный задел для историков российской социологии будущих поколений. Было бы только кому заниматься историко-социологической тематикой, учитывая сегодняшний неоправданно слабый интерес к эволюции собственной науки!

Еще упомяну программу переводов, которую вёл Геннадий Семенович. Во второй половине 1990-х нам представилась редкая удача: Фонд «Общественное мнение» предложил программу по изданию переводов западных источников по социологии, — разумеется, с финансированием. Конечно, мы не могли отказаться, и за несколько лет были подготовлены несколько переводов по методологии социологических исследований. Батыгин для большинства книг выступал научным редактором, но в любом случае переводы выходили под его

«Батыгин приглашал увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным»

полным патронатом. Назову их: Миллс Ч. Р. «Социологическое воображение» (1998); Уолтон Д. «Аргументы Ad Nominem» (2002); Садмен С., Брэдберн Н. «Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование массовых обследований» (2003); Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. «Как люди отвечают на вопросы: когнитивный подход к проектированию массовых обследований» (2003); Шютц А. «Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии» (2003); Гофман И. «Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта» (2004).

Издание перевода Ирвинга Гофмана [Гофман, 2004] пришлось завершать мне. Но сначала мы с Батыгиным год-полтора бились над сличением переведенного текста с оригиналом для выявления неточностей и ошибок, над приведением перевода к единому стилю и понятийному аппарату, — по сути, к выработке единого научного языка перевода. Дело в том, что работа Гофмана довольно объемная, ее переводили 4 или 5 переводчиков — каждый немного на свой лад. Видимо, причина в том, что язык автора богатый и живописный, насыщенный разнообразной лексикой, аллюзиями, метафорами и другими художественными приемами. А главное, гофмановский понятийный аппарат отличается особенностями: многие понятия и концепты многозначны, то есть на протяжении книги употребляются в разных смыслах, и, напротив, концепты с одним и тем же смыслом обозначаются разными словоформами. Методология квантования социальных взаимодействий в повседневном микромире Гофманом не разработана. Дмитрий Шалин как-то остроумно подметил, что если гарфинкелевская этнометодология — это «метод в поисках теории», то драматическая социология Гофмана — это «теория в поисках метода». Да и теорией в традиционном смысле слова из-за многозначности понятий и метафоричности языка ее назвать можно только с натяжкой. В общем, сличение и редактирование «Анализа фреймов» было адской работой! Но мы успели закончить собственно текст вместе с Геннадием Семеновичем... А после на мою долю остались именной и предметный указатели, а также издание книги. Над предметным указателем, занявшим более 30 страниц, разбираясь с гофмановским понятийным аппаратом, я просидела не меньше трех месяцев. Да и после ухода Геннадия Семеновича никакое другое дело в голову не шло, а как бы продолжалась совместная работы...

Можно ли сказать, что выбор Батыгина больше вкладываться в поддержание сообщества, а не в свои собственные исследования, был осознанным?

Ваша интуиция верна, но, скорее, частично. Вкладываться в дела сообщества было, с одной стороны, сознательным выбором на основе внутреннего чувства долга, а с другой — отчасти вынужденным, так

как такой выбор диктовал всё увеличивавшийся объем обязательств перед коллегами и делал Батыгина, по его отзывам, «заложником» этих обязательств. Львиная доля времени у Геннадия Семеновича уходила на те виды деятельности, которым он действительно придавал большое значение: работа с научной молодежью, создание своей школы, развитие научных коммуникаций, издание журнала, участие в экспертной деятельности и т. п. Ведь в том, что касалось преподавания, редактирования журнала, участия в ученых советах, он был связан обязательствами перед слушателями и коллегами. А в своем творчестве он был обязан только самому себе, отвечал только перед собой, поэтому занимался им, когда мог. Помнится, что Батыгин был благодарен издателям, если они заказывали у него тексты, жестко ставя сроки сдачи и тем самым заставляя отложить другие дела. Такое положение я не назвала бы полностью добровольным выбором, хотя он и был осознанным. Просто так сложилось, так обстоятельства легли на повышенную ответственность и перфекционизм Батыгина. Если бы в сутках было не 24 часа, а 48, он написал бы намного больше.

Но, думаю, своё время Батыгин не считал затрачиваемым напрасно, поскольку его вклад в повышение научного уровня социологического сообщества, в которое входят и студенты, и специалисты, тогда был очень ощутимым. Из его углубленных в каждую тему отзывов о диссертациях можно было бы составить «сборник аналитических статей». К сожалению, собрать эти отзывы не представляется возможным. Когда Батыгин выступал на ученых и диссертационных советах, где обсуждались доклады, диссертации, к его мнению неизменно прислушивались. Иной раз оно было решающим. Это ведь очень сильная и влиятельная вещь: авторитет, который поддерживается не статусом человека, а его реальной компетентностью. Он мог покритиковать коллегу, основываясь на своих знаниях и будучи совершенно свободным от пристрастий и лицемерия, которые порождаются преклонением перед научными чинами. В этом он был бескомпромиссным — никакие статусы на него не влияли. Сейчас, по-моему, этого нам не хватает.

Хотя, замечу, что студенты и аспиранты оставались той группой, к которой он относился по-отечески, т. е. был более осторожен в критике: если молодому человеку прямолинейно указать на его незнание или неумение, это может загубить ростки будущего ученого. У Геннадия Семеновича за все время было около 30 аспирантов, которых он подготовил к защите. И к каждому воспитаннику он относился трепетно, боясь навредить, чтобы каждый из них успел расправить крылышки, почувствовать, что он в силах что-то сделать. Можно говорить об избирательном отношении Батыгина к разным представителям нашего сообщества: со зрелыми и состоявшимися он часто был критичен, а с молодыми — осторожен и деликатен. Но никогда не забывал отмечать достижения тех и других. Вместе с тем не секрет, что

«Батыгин приглашал увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным»

некоторые взрослые коллеги обижались на него из-за нелицеприятной критики или «непонимания». Может, и по сей день обижаются...

Вы бы назвали его неформальным лидером своего круга?

Наверное, не только своего круга, но и шире. В каком-то смысле это именно так, потому что его формальный статус был высоким, но, скажем, обыкновенным: доктор наук, профессор, заведующий подразделением института, факультета социологии — ничего потрясающего воображение. Он был лидером, конечно, не за счет своих регалий. Коллеги говорили мне: «Геннадий Семёнович — настоящий профессор», с ударением на слове «настоящий». Или еще: «Батыгин плохого не посоветует», подчеркивая, что его консультации и даже критика всегда по делу. Он был профессором — в старинном смысле этого слова, то есть по своей квалификации, компетентности, степени взаимного уважения со стороны коллег и учеников. Одна из студенток назвала его «тихим харизматиком».

Могли бы Вы привести пример того, как Геннадий Семёнович работал со своими магистрантами и аспирантами?

Я уже что-то рассказывала на эту тему... Например, был у Геннадия Семёновича аспирант, который давно стал прекрасным специалистом, — Денис Глебович Подвойский. Они вместе работали в РУДН на факультете социологии. Денис Глебович преподавал историю и теорию социологии и одновременно писал диссертацию — совершенно самостоятельно, буквально сам с собой рассуждая на теоретические темы. Коллег, которые могли бы руководить его научными интересами и самой работой, на кафедре не находилось, но нашёлся Батыгин. Я помню, как-то Геннадий Семёнович пришёл домой с огромной авоськой, набитой толстыми папками. Спрашиваю: «Что же это такое?». Он в ответ: «Вот Денис Глебович написал диссертацию, ему хотелось выразить себя, так как он был вдохновлён этой работой». В самом произведении, во всех этих папках было страниц 900 печатного текста, я воскликнула: «Неужели ты будешь этим заниматься? Это же невозможно!». А Батыгин говорит: «Это талантливый человек, надо его поддержать, помочь ему защититься». Он потом всё читал, правил, редактировал, наставлял Дениса Глебовича, как сделать текст соответствующим требованиям диссертации... Подвойский в итоге защитился — всё у них получилось и, конечно, совершенно заслуженно. Чуть позже они даже написали совместный учебник по истории социологии [Батыгин, Подвойский, 2004]; завершал его издание уже один Денис Глебович. Учебник был переиздан в 2007 году... Это характерный пример: Батыгин не мог пройти мимо талантливого человека, не поддержав его.

По-моему, уникальный случай произошел с Дмитрием Рогозиным. В 2000 году он был слушателем методических лекций Батыгина в МВШСЭН. Геннадия Семеновича в числе прочего тогда интересовал когнитивный подход к формированию методов и техник социологического исследования. В частности, его привлекала возможность исследования опросного инструментария как коммуникативной среды между респондентом и социологом, анализ которой предоставляет возможности для совершенствования инструментов опроса и, соответственно, повышения качества полученных данных. В лице Рогозина он нашел соратника, которого глубоко заинтересовал этой темой. На базе Фонда «Общественное мнение» им удалось провести экспериментальное методическое исследование, на основе которого Дмитрий Михайлович в 2002 г. издал известную многим книгу «Когнитивный анализ опросного инструмента» [Рогозин, 2002]. В ней описаны логика, методы, процедуры когнитивного анализа, показано, как можно тестировать вопросник с помощью техник такого анализа. Это, конечно, было весьма примечательное событие. Но еще более удивительным стало то, что под научным руководством Батыгина Рогозину в том же году удалось защитить кандидатскую диссертацию с одноименным названием, причем миновав этап обучения в аспирантуре. Не знаю точно, но возможно, он оформлял статус соискателя, чтобы выйти на защиту. Но это — чисто формальная вещь, не имеющая отношения к самому факту столь стремительной и успешной защиты! Были ли в российской социологии подобные случаи?

Фактически все подопечные Батыгина выходили на защиты и защищались. Другое дело, что среди них иногда встречались аспиранты, которые хотели получить ученую степень, видимо, руководствуясь конъюнктурными соображениями. Геннадий Семёнович, коль скоро становился их научным руководителем, и для таких аспирантов делал все, чтобы вывести их на защиту. Однако его труды не всегда вознаграждались: спустя время становилось ясно, что кто-то из бывших подопечных уходил из науки, кто-то пребывал в ней лишь формально. Но надо сказать, что таких было немного...

Был ли у самого Геннадия Семёновича кто-то, кого он воспринимал как своего учителя?

На эту тему он немного говорил в интервью конца 1990-х годов, которое брала Н. Я. Мазлумянова [Батыгин, 2003]. Там он называл в числе тех, кто повлиял на его становление, некоторых преподавателей философского факультета МГУ, который окончил в 1974 году: это психолог Петр Яковлевич Гальперин, философ античности Валентин Фердинандович Асмус. В них Батыгина больше всего привлекали преподавательские манеры, стиль изложения. Историка марксизма Георгия Александровича Багатурию он оценивал как одного из лучших преподавателей

«Батыгин приглашал увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным»

марксистско-ленинской философии в МГУ, потому что тот читал не доктринёрские, а проблемные курсы, затрагивая социологическую тематику в ту пору, когда никакого отделения социологии ещё не существовало. А кроме того, что было очень близко Геннадию Семеновичу, он показывал, как со временем изменялись идеи Маркса. По сути, это была история идей, хотя такое словосочетание тогда мало кто знал.

Батыгин очень хорошо отзывался об Игоре Васильевиче Бестужева-Ладе, к которому попал в отдел, едва переступив порог Института социологии. Он говорил о Бестужева-Ладе как о наставнике, который помогал ему обживаться в научной среде, публиковать первые статьи, давал мудрые житейские советы. Батыгин всегда вспоминал его с благодарностью. Но такого учителя, который бы направлял Геннадия Семёновича в мире социологических знаний, не было. Во всяком случае, я о таком не слышала. Батыгин всё больше учился сам, по книгам. Безусловно, он был восприимчив к научным знаниям, достижениям и навыкам коллег, которые его окружали. Но главного учителя в собственном смысле слова у него не было.

Вероятно, это связано с тем, что и сама социологическая школа ещё только формировалась.

Скорее, тогда не нашёлся старший коллега, чьи научные интересы совпадали бы с батыгинскими. Он, что называется, с молодых ногтей интересовался методологией социологических исследований, но не с точки зрения развивавшихся тогда статистических методов. Напротив, ему хотелось «преодолеть тесный частокол шкальных значений и процентов», «встать на сторону жизни», о чем он писал в своей книге. В 1970–1980-е годы его исследовательская оптика была по-своему новаторской, так как, не отрицая значения математических построений, «посягала» на исследование человеческой субъективности, ускользающей от измерительных инструментов. Ведь тогда пространство российской социологии заполнилось поисками математических методов для «конкретных социологических исследований». А Батыгин в социологии, по сути, всегда оставался философом и гуманитарием.

Видимо, отчасти поэтому к концу 1990-х годов Геннадий Семёнович занялся не менее «сомнительным» и непопулярным делом — изучением истории отечественной социологии, в частности, периодом, как тогда считалось, абсолютного перерыва в развитии этой науки (её «запрета») в конце 1930-х — начале 1960-х годов. История отечественной социологии стала его второй главной темой.

Откуда интерес к 1930-м, в общем-то, «глухим» для социологии годам?

Уточню, что конкретно по документальным источникам Батыгин исследовал 1940–1950-е годы. Они, как и 1930-е, были не настолько

«глухими», как их представляет наша устоявшаяся историография истории социологии, созданная в основном школой Г.В. Осипова. С утверждением, что до начала 1960-х годов в стране социологической мысли не существовало, Батыгин решил поспорить. Поэтому он стал в архивах изучать именно этот период, хотя его убеждали, что искать там попросту нечего. Заметим, что социологию — в отличие от кибернетики или педологии — не запрещали в СССР ни постановлением, ни другими мерами. Она, я бы сказала, не исчезла как факт интеллектуальной жизни, но идейно изменилась и приобрела по преимуществу латентные формы вместо институциональных.

Геннадий Семёнович анализировал этот период с идейно-культурной позиции, рассматривая историю как непрерывный и преемственный процесс, имея в виду, что ни научные идеи, ни порождающие их культурные ценности не могут исчезнуть в одночасье, резко и бесследно. Но могут перейти, например, в неинституциональные формы бытования. Идеи дореволюционной социологии были официально вытеснены историческим материализмом, который и стал называться «марксистской социологией». Батыгина интересовало, за дверями каких учреждений и какие теоретические идеи социологии тогда «осели» в российском интеллектуальном пространстве². Кроме того, Геннадий Семенович знал, что в то время проводились и эмпирические социологические исследования. Во времена культа личности публиковать их результаты было невозможно, однако сами исследования — под грифом ДСП (для служебного пользования. — *Ред.*) — проводились по приказам партийных органов и силовых структур. Изучалось общественное мнение и разные стороны жизни советского общества, просто об этом знали только причастные круги, а в 1990-е, когда архивы открылись, — периодом 1940–1950-х годов в жизни социологии мало кто интересовался. По совокупности причин возникло искаженное представление, что ее совсем тогда не было и что она началась с нуля

² В Институте философии, например, группа М.П. Баскина изучала разные течения «буржуазной социологии», и, судя по тому материалу, который в архивах обнаружил Геннадий Семёнович, они всерьёз занимались историей и теорией социологии. Для прикрытия своей деятельности они, разумеется, всем статьям предпосылали правильные преамбулы, в духе: «буржуазный социолог Макс Вебер был не прав», а дальше подробно излагали, в чем же именно он «заблуждался». Мне попался на глаза документ — записка в ЦК ВКП(б), датированная 1949 годом, в которой Ю.А. Жданов сообщал о низком качестве руководства сектором истории социологии этого института. Что подразумевалось под низким качеством? Идеологическая невыдержанность, «неблагополучие на философском фронте», «отклонения от марксизма-ленинизма»! Но сектор все-таки работал. В той же манере преподавалась история социологии в МГУ, других вузах. Более того, М.П. Баскин был автором фундаментальной статьи «Социология» в двух изданиях «Большой советской энциклопедии» — в 1947 и 1957 г.

«Батыгин приглашал увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным»

в конце 1950-х годов. Батыгин считал важным реконструировать картину — если не истинную, то более правдоподобную.

Конечно, в тот период доступность социологического знания снизилась, группы энтузиастов стали малочисленными, прошла Великая отечественная война, но это не означало полного исчезновения социологического знания. Всё это позволило Геннадию Семёновичу поставить вопрос о преемственном характере отечественной социологической мысли и оспорить распространенный тезис о том, что преемственности не было.

Его взгляды на преемственность отечественной социологической мысли кто-то разделял?

Эта точка зрения не является особенно популярной. Тому есть разные причины, в том числе связанные, на мой взгляд, с особенностями исторической памяти и исторического сознания российских социологов, писавших на темы истории российской/советской социологии. Здесь не место разбираться в этом сложном вопросе. Но так случилось в 1960-е годы, что наша отечественная традиция оказалась невостребована. В интервью, которые собрал Борис Докторов, подавляющее большинство корифеев старшего поколения, выступивших на арену социологии в хрущевскую оттепель, утверждали: «Мы тогда не знали дореволюционной социологии, нам её не преподавали, мы начинали с нуля». Но вот Батыгин не думал, что совсем «с нуля»: идеи не исчезают так быстро, а своеобразие национальной социологической школы всё равно даёт о себе знать, заставляя различать этапы в истории социологии идейно наследовать друг другу. Эту точку зрения разделяли, например, А. Г. Здравомыслов, В. Н. Шубкин, А. С. Капто...

По Вашему мнению, исторический взгляд Батыгина на социологию может быть востребован в современном преподавании этой дисциплины?

Это было бы очень важно, но пока предпосылок не видно. Сейчас история отечественной социологии не находится в фокусе внимания ни вузовских программ, ни исследовательских проектов. Очень не хватает того масштабного видения нашей теории и истории социальной мысли, которое было у Батыгина. Можно по пальцам пересчитать исследователей, которые занимаются этими направлениями. Ведь мейнстрим современной российской социологии — актуальные проблемы нашего общества и социологического знания. А теоретико-методологическую базу составляют исключительно западные социологические теории.

Геннадий Семёнович хорошо понимал необходимость исторического мышления в социологии: нужно не просто знать историю своей

науки, но и уметь мыслить исторически, чтобы адекватно оценивать настоящее при решении современных научных проблем. Понимая, как развивалась предшествовавшая мысль — и отечественная, и, конечно, западная, социолог может дать себе отчет, чему, кому и для каких познавательных целей он наследует, изучая проблемы российского общества или проблемы социологического познания. Насколько это наследие — ключ к пониманию современных российских реалий.

В вопросах истории и теории важно твердо стоять на собственных ногах. Для Геннадия Семёновича был значим тот факт, что многие идеи, открытые в XX веке на Западе, точно так же были открыты (или приоткрыты) у нас до революции, просто потом это было всеми забыто... Современная российская социология оказалась в положении вечно «догоняющей» науки, колониально зависимой от западных теорий. Если совсем не знать, на каких столпах стоит наша социологическая мысль, не следует надеяться и на ее развитие в будущем. Тех, кто не защищает и не ценит своё, не уважают и вовне. Первая и последняя западная книга, которая была целиком посвящена российской социологии, была издана в 1915 году Юлиусом Геккером. Мировому социологическому сообществу не очень интересна наша история, у них есть своя, и это можно понять. Но тот факт, что и нам она не очень интересна, конечно, удивляет. Ведь необходимо реконструировать адекватный образ истории отечественной социологии, вернуть ей утраченный мировой статус... Батыгину было не жалко времени, которое он тратил на восстановление памяти о российской социологии XX века. И если говорить о наследии Геннадия Семёновича, то достойное место в нём, безусловно, занимает последовательная борьба с историческим беспамятством нашей науки.

Литература

1. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований: Учеб. для высш. учеб. заведений. М.: Аспект Пресс, 1995. — 286 с.
2. Батыгин Г.С. «Никакого другого пути я даже помыслить не мог...» // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 132–167.
3. Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Наука, 1986. — 272 с.
4. Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. Учебник. М.: Изд-во «Новый учебник», 2004. — 368 с.
5. Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. Р.Е. Бумагина, Ю.А. Данилова, А.Д. Ковалева, О.А. Оберемко под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН; ФОМ, 2004. — 752 с.
6. Rogozin D. M. Когнитивный анализ опросного инструмента. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2002. — 251 с.

«Батыгин приглашал увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным»

7. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолук. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. — 683 с.

L. Kozlova

“Batygin invited us to see the non-obvious meanings behind what seems obvious”

Larisa Kozlova is the head of the sociology of science sector of the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief of the Sociological Journal. **Address:** Moscow, st. Krzhizhanovskiy, 24/35 bld. 5. **E-mail:** LarissaKozlova@yandex.ru

Abstract: His wife and colleague Larisa Alekseevna Kozlova tells about the contribution of Gennady Semyonovich Batygin to the field of Russian sociology, to the sociological community itself (through the training of graduate students, joint work with colleagues, translation activities). O. B. Solodovnikova conducted the personal interview.

Key words: Gennady Semyonovich Batygin, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, methodology of sociological research, history of Russian sociology.

References

1. *Batygin G.S.* (1995) *Lekcii po metodologii sociologicheskikh issledovanij: Ucheb, dlya vyssh. ucheb, zavedenij.* M.: Aspekt Press. (In Russ.)
2. *Batygin G.S.* (2003) «Nikakogo drugogo puti ya dazhe pomyslil' ne mog...» // *Sociologicheskij zhurnal.* № 2. S. 132–167. (In Russ.)
3. *Batygin G.S.* (1986) *Obosnovanie nauchnogo vyvoda v prikladnoj sociologii /* Отв. ред. G.V. Osipov. M.: Nauka. (In Russ.)
4. *Batygin G.S., Podvojskij D.G.* (2004) *Istoriya sociologii.* Uchebnik. M.: Izd-vo «Novyj uchebnik». (In Russ.)
5. *Gofman I.* (2004) *Analiz frejmov: Esse ob organizacii povsednevnogo opyta /* Per. s angl. R. E. Bumagina, Yu.A. Danilova, A.D. Kovaleva, O.A. Oberemko pod red G.S. Batygina i L.A. Kozlovoj. M.: Institut sociologii RAN; FOM. (In Russ.)
6. *Rogozin D.M.* (2002) *Kognitivnyj analiz oprosnogo instrumenta.* M.: In-t fonda «Obshchestvennoe mnenie». (In Russ.)
7. *Rossijskaya sociologiya* (1999) *Rossijskaya sociologiya shestidesyatyh godov v vospominaniyah i dokumentah /* Отв. ред. i авт. предисл. G. S. Batygin; Ред.-сост. S. F. YArmolyuk. SPb.: Russkij hristianskij gumanitarnyj institut. (In Russ.)